

А.Б. Максимов

ДЕЛО № 17-062

АТОМНАЯ БОМБА АНАТОЛИЯ ЯЦКОВА

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Гриф секретности снят

Анатолий Максимов

Атомная бомба Анатолия Яцкова

«ВЕЧЕ»

2017

Максимов А. Б.

Атомная бомба Анатолия Яцкова / А. Б. Максимов — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Гриф секретности снят)

ISBN 978-5-4484-7157-5

Анатолий Яцков – знаменитый отечественный разведчик, внесший огромный вклад в развитие научно-технической разведки СССР. Новая книга ветерана разведки А.Б. Максимова рассказывает о судьбе А.А. Яцкова и становлении советского атомного проекта. Впервые подробно освещается вклад разведки в научно-технические разработки страны.

ISBN 978-5-4484-7157-5

© Максимов А. Б., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

От автора	6
Предисловие. Герои отчества – эхо войны	7
Глава 1. Первые шаги в разведке	11
Призыв в неведомое	12
В центре и за океаном	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анатолий Борисович Максимов

Атомная бомба Анатолия Яцкова

© Максимов А.Б., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

От автора

Атомных разведчиков, Героев России, было шестеро – разведчики Леонид Квасников, Владимир Барковский, Александр Феклисов, Анатолий Яцков и спецагенты-интернационалисты Морис и Леонтина Коэн. И только двоим Звезды Героя удалось получить при жизни – Барковскому и Феклисову.

Первая книга об атомных делах госбезопасности появилась из-под пера атомного разведчика Александра Феклисова, а вот о его трех коллегах – идеологе и стратеге атомной разведки Леониде Квасникове, историографе НТР (научно-технической разведки) Владимире Барковском и воспитателе молодых разведчиков Анатолии Яцкове – работа в биографическом аспекте начата была только в новом столетии.

Почему автор рискнул взяться за работу по подготовке рукописей биографического толка о столь знаменитых разведчиках? Причин несколько, и одна из них, возможно, главная: автор был молодым коллегой Квасникова (тот принимал его в ряды НТР в конце 50-х годов), а его руководителями на ниве НТР в штаб-квартире разведки и «кузнице кадров» были Яцков и Барковский, причем с перерывами в 60–90-е годы.

Второе стимулирование интереса к этим замечательным личностям – коллегам автора стал подарок историографа Барковского. Незадолго до кончины он передал автору свой открытый архив – публикации его и о нем с его заметками на полях, личные записки, неизданные рукописи...

Но, работая над материалами, полученными от Владимира Борисовича, и иными публикациями, автор столкнулся с обилием сведений об остальных атомных разведчиках. И сразу после издания книги о Барковском автор свое внимание переключил на подготовку рукописей о Квасникове и Яцкове. Тем более что личностью Леонида Квасникова заинтересовалось одно из издательств, которое попросило автора подготовить рукопись, а когда она была готова, отказалось издавать ее под предлогом деловых трудностей на рынке распространения.

Так овладение автора архивом Барковского привело к работе над тремя рукописями. И это была вторая причина занятости в работе над биографиями трех разведчиков. И третья веская причина: личное огромное впечатление, стремление и благодарное желание поговорить о прекрасных личностях разведчиков, его старших коллег, сыгравших большую роль в жизни автора.

Анатолий Антонович Яцков, как и Барковский, многие годы был Учителем автора в оперативных, преподавательских и жизненных делах. От Анатолия Антоновича пришла помощь нашим ученым-ядерщикам в работе над отечественным оружием и в создании атомной промышленности в стране. Но еще во время войны и после нее он добывал информацию по авиаракетной технике, электронике, специальным материалам, без которых современная военная техника не поползет, не полетит и не поплывет. И потому велика его заслуга перед Отечеством в помощи при создании отечественного ракетно-ядерного щита.

И все же у читателя может сложиться впечатление, возможно, неясность: почему автор рискнул работать над биографиями таких замечательных людей – уникальных личностей? Возможно, это будет воспринято нескромным признанием автора. Но...

Дело в том, что на счету автора работа над биографией удивительного Феномена в истории мирового научно-технического развития – гения электричества Николая Теслы. Менее чем за десять лет автором опубликованы о нем книги в нескольких издательствах. Причем они переиздавались не раз общим тиражом почти сорок тысяч экземпляров.

И теперь следует признаться еще в одной причине безудержной тяги автора к перу и бумаге: эти замечательные люди – ЛИЧНОСТИ, ПАТРИОТЫ и ПРОФЕССИОНАЛЫ, увлечься биографиями которых можно, лишь *полюбив* их жизненный подвиг...

Предисловие. Герои отечества – эхо войны

Война... Тысячелетие российская государственность испытывала несправедное стремление Запада искоренить ее. Прошлые столетия не были исключением, более того, только на его первую половину пришлось несколько войн, и среди них самые разрушительные – Первая и Вторая мировые.

Для Советской России непредсказуемо трагической стала Великая Отечественная война. В ее годы правительству и военачальникам требовалось активное участие разведки, как в преддверии и канун войны, так и в ходе ее ведения и в послевоенный период.

Советская Россия была истощена и обессилена войной, разрушены тысячи городов и деревень. По мнению наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции, сокрушение СССР не представляло трудностей. Такая вот упреждающая информация приходила к советскому руководству из лондонской резидентуры и из-за океана.

Наша разведка знакомила правительство в Кремле с секретными планами на основе директив высших эшелонов власти в Белом доме, Капитолии и Пентагоне: *«первый удар по 20 городам...», «сбросить 133 атомные бомбы на 70 городов...», «сбросить 300...»* План «Троян» предусматривал дату начала военных действий в 1950 году. Это задумывали разбогатевшие на войне Соединенные Штаты, на землю которых не упала ни одна бомба, а *«на каждого американца, убитого на войне, приходилось пятьдесят умерших русских»*. И начали бы, и сбросили бы, но...

Но наступил август 1949 года: была наша первая отечественная атомная бомба и ликвидирована американская монополия на владение ядерным оружием. Жить было трудно, восстанавливалось сметенное войной хозяйство, но бомбу все же сделали.

Это был подвиг всех тех, кто воссоздал к жизни атомную отрасль промышленности нашего Отечества – ученые, специалисты, рабочие и разведчики. И это к ним было обращено вешнее признание в том же году в Кремле: *«Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испытали бы этот заряд на себе...»*

Война дала Отечеству тысячи Героев на полях сражений и десятки – в среде разведчиков в тылу врага на временно оккупированной советской территории. Разведка госбезопасности вела борьбу с позиции резидентур воюющих стран и в тылу германских войск с позиции подполья, спецпартизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп.

Проходили годы и десятилетия, и эхо войны открыло еще несколько имен – Героев тайного фронта. Через пятьдесят лет после Победы Золотые Звезды нашли своих Героев, правда, не всех застав в живых.

Это были Герои России, награжденные в мирное время за подвиг в годы войны и сразу после нее. В указе было коротко сказано: *«За выполнение специального задания правительства и проявленные при этом мужество и героизм»*. Их было шесть атомных Героев: разведчики Леонид Квасников, Владимир Барковский, Александр Феклисов, Анатолий Яцков и разведчики-интернационалисты Морис и Леонтина Коэн.

Их объединяла одна благородная цель – проникнуть за стену секретности, возведенную в Англии и США вокруг центров создания атомной бомбы. Монопольно владея атомной бомбой, «сильные мира сего» за океаном и на Британских островах намеревались использовать ее против «вышедшей из кровавой бойни» Советской России.

* * *

Чекисты Барковский, Феклисов и Яцков, разведчики-атомщики во главе с разведчиком-ученым Квасниковым, пришли в органы госбезопасности в 1938 и 1939 годах, причем сразу в стены научно-технической разведки. Все они вышли из рабочей среды и получили высшее образование в технических вузах Москвы.

Интерес к их инженерной специальности проявил начальник ИНО – Иностранного отдела госбезопасности Павел Фитин. Его кредо в подборе кадров в разрушенную репрессиями разведку заключалось в том, чтобы пришли молодые технари, как наиболее подготовленные для будущей конкретной разведывательной работы. Из шести Героев только двоих – Барковского и Феклисова – награждение застало на этом свете. Но все они внесли выдающийся вклад в дело обеспечения безопасности нашего Отечества.

«Великолепная четверка» разведчиков-атомщиков пришла не на пустое «разведывательное поле». Была серьезная преемственность от коллег из 30-х годов, а это весьма небольшая группа первоклассных профессионалов, создавшая плеяду агентов – основу атомной агентурной сети по обе стороны Атлантики. Все причастные к атому разведчики и агенты, десятилетиями работая по линии научно-технической разведки, отличились в информационном обеспечении советских ученых и специалистов секретными сведениями о работах на Западе над ядерным оружием.

Об этом коллективном участии разведчиков и агентов емко сказал разведчик-атомщик и историограф НТР Владимир Барковский (1979):

«В годы войны с помощью НТР закладывался потенциал наших вооруженных сил, что не позволило странам – членам НАТО во главе с США разговаривать с Советским Союзом с позиции силы».

В дни появления указа о присвоении ему и его соратникам высшей награды Родины Герой России Александр Феклисов говорил:

«Очень сожалею, что столь почетную награду не получили при жизни Леонид Романович Квасников и Анатолий Антонович Яцков, замечательные разведчики-профессионалы и мои товарищи по нью-йоркской резидентуре...» Он подчеркнул, что работа сотрудников разведки чаще всего остается в тени и отмечается лишь спустя многие годы: *«Такова специфика нашей профессии...»*

* * *

... До прихода в органы госбезопасности четверых будущих Героев общность их жизни заключалась в следующем: самый старший из них – Леонид Квасников (1905 года рождения) – работал строителем, машинистом, окончил институт химического машиностроения, инженер-новатор; Владимир Барковский (1913) – слесарь, рабфак, институт станкостроения, аэроклуб; Александр Феклисов (1914) – ФЗУ, ремонтник паровозов, машинист, институт связи; Анатолий Яцков (1913) – разнорабочий, строитель, слесарь, институт полиграфии, аэроклуб.

Но атомных Героев было шесть... Двое из них – это добровольные помощники Морис и Леонтина Коэн. Мужественные разведчики с испанским прошлым стали главным звеном в потоке разведывательной информации в цепи «агент – связник – разведчик – резидентура – Центр – ученые»...

Именно с ними, связными, было доверено работать молодым разведчикам Феклисову и Яцкову. Именно о них руководитель НТР в нью-йоркской резидентуре Квасников в самом начале 1943 года говорил: *«...я отметил двух толковых молодых людей... Забрал их к себе...»*

Они были потом основными работниками, через которых я получал материалы от физиков...»

И именно эта чрезвычайно осторожная и весьма чувствительная работа с ценнейшими источниками секретной информации о разработке и изготовлении американской атомной бомбы возвела разведчиков через десятилетия на пьедестал Героев России. А связных Коэнов в Штатах – еще и за их нелегальную работу в Британии при проникновении в исследовательский центр создания атомных подводных лодок.

* * *

Родился Анатолий Антонович Яцков в 1913 году, 31 мая, на юге России, в городе Аккермане, под Одессой. (И вот что любопытно: все четверо появились на свет фактически на одном меридиане – 35-м градусе. Яцков – в городе, ставшем позднее Белгородом-Днестровским, севернее Барковский – в Белгороде, Квасников – под Тулой и Феклисов – в Москве.)

У Анатолия было три брата: средний Антон, в будущем крупный полиграфист; младший Павел, будущий разведчик в Латинской Америке. Через год после рождения первого сына, Анатолия, семья переехала в центр России, на Тамбовщину. Здесь, в Большой Грибановке, Анатолий окончил девятилетку, полтора года работал на местном сахарозаводе и затем переехал в Москву.

Рабочая среда закалила его и научила быть ответственным за порученное дело: живя в бараках на Яузе, в Нижних Котлах, строил гараж на Хамовническом плацу, слесарничал в мастерских и... учился. В 1937 году закончил Московский полиграфический институт и начал работать инженером-технологом на передовом предприятии – столичной Картографической фабрике имени Дунаева. Активно занимался в аэроклубе, в парашютной секции.

Был рекомендован в органы госбезопасности и после окончания во втором наборе вновь созданной ШОН – Школы особого назначения – некоторое время трудился в центральном аппарате разведки. В самый канун войны был направлен на работу в нью-йоркскую резидентуру.

В Штатах Анатолий Яцков занимался привлечением к сотрудничеству дружески настроенных к Стране Советов американцев, проводил операции по добычанию особо секретной и важной для нашей оборонной промышленности информации, руководил связными с учеными из центра разработки атомного оружия.

Проявляя инициативу и настойчивость, оперативную изобретательность, осуществлял связь с ценнейшими источниками информации и руководил их работой по заданиям линии НТР – авиационной, радиоэлектронной, атомной проблематике. Резидентуре, в состав которой входил Яцков, наряду с работой разведчиков в Британии, принадлежит поистине историческая заслуга. Благодаря ее работе советские органы госбезопасности получили обширную информацию – сведения, расчеты, схемы и чертежи по «Манхэттенскому проекту», которые дали нашим ученым и специалистам чрезвычайно полезные данные об уровне работ американцев над атомной бомбой.

Анатолий Антонович, подводя итог работе НТР в годы войны, с ярко выраженной государственной позиции заявлял:

«Самая достоверная и перспективная научно-техническая информация становится полезной только тогда, когда понимается ее значимость. Так случилось с информацией об атомном оружии.»

Нашу бомбу создавали ученые, инженеры, рабочие, а не разведка. В невероятно сложных условиях они сумели в короткие сроки создать атомный щит для Родины. Сведения, добытые разведкой, только ускорили эту работу».

В послевоенный период Анатолий Антонович занимал руководящие должности в разведке, выезжал в долгосрочные командировки на оперативную работу в страны Западной Европы и Востока – Францию, Иран, Афганистан. Длительное время руководил большой группой разведчиков по линии НТР с позиции ГДР.

Следуя традициям, заложенным идеологом и стратегом НТР Леонидом Квасниковым, он создал действенную учебную структуру в Институте разведки по подготовке молодых кадров для этой специфической линии работы.

Казалось бы, сухо и по-казенному звучит: *«Он на всех участках работы успешно справлялся с поставленными перед ним задачами»*. Но задачи-то были архиважными: он был опытным руководителем крупнейшего коллектива энтэеровцев и чутким воспитателем молодого поколения разведчиков, а их «из-под его руки» вышла не одна сотня...

Имея за плечами такой жизненный и оперативный опыт, которым в разведке располагали единицы, Анатолий Антонович, по мнению большинства, наряду с широкими знаниями отличался принципиальностью, личной скромностью и отзывчивостью.

В 1985 году полковник Яцков вышел в отставку, но продолжал передавать свой бесценный опыт начинающим разведчикам, выступая в качестве «условного иностранца». Поддерживая тесный контакт с коллективом ветеранов разведки, часто выступал перед молодыми сотрудниками в Краснознаменном институте имени Ю.В. Андропова. В прессе нередко появлялись его статьи и рецензии о службе. На экране телевидения ас разведки делился своими воспоминаниями о годах работы на разведывательном поле...

* * *

Конечно, эта рукопись посвящена личности Анатолия Антоновича Яцкова, Гражданина, Профессионала, Патриота. Правда, делается попытка охватить не только его жизненное и оперативное пространство, но и поле деяний его коллег по службе и плодотворной работе НТР в рамках внешней разведки госбезопасности и народно-хозяйственной деятельности страны в целом. Ибо советская НТР была *«встроена в систему научной и технической полезности»* фактически всех отраслей индустрии Отечества и ее оборонного аспекта в условиях западных запретных санкций по участию России в международном разделении труда.

Вот почему «примеры из биографии НТР» прорываются на страницы рукописи с ее яркими представителями – разведчиками, их агентами – и творимыми ими операциями. А это неоднократные «моменты истины», когда правота упреждающей информации разведки в лице ее НТР в интересах Отечества признавалась и высоко оценивалась.

Анатолий Антонович десятилетия работал в «трех разведывательных средах»: в Старом и Новом Свете, в штаб-квартире НТР, на поприще подготовки разведчиков в кузнице кадров, а проще говоря, в когорте единомышленников и соратников и учеников-питомцев.

Герой России Анатолий Антонович Яцков, полковник, почетный сотрудник госбезопасности, запомнился нам – старому и новому поколению – как талантливый чекист-разведчик, добрый старший товарищ-наставник и светлая личность...

Глава 1. Первые шаги в разведке

Два будущих Героя России пришли в разведку одновременно, и их готовили «разведывательному ремеслу» в одной и той же лесной школе – ШОН – Школе особого назначения.

С 1939 года Анатолий Антонович Яцков и Александр Семенович Феклисов волею чекистской судьбы пройдут рука об руку по дорогам стран двух континентов, по одним и тем же разведывательным проблемам и даже в работе с одними и теми же источниками ценной научно-технической информации.

Это случилось в то время, когда газеты, журналы и особенно радио все еще вещали о происках «врагов народа». «Рука безопасности» давала о себе знать, но в среде обитания Яцкова и Феклисова потерь из-за арестов не было.

Наиболее верно, как бы за всю четверку атомных разведчиков, отношение к органам однажды на встрече с молодыми сотрудниками выразил Анатолий Антонович:

«Что касается моего внутреннего состояния, то оно было возвышенным. Я почти с благоговением смотрел на встречавшихся иногда на улице ребят в аккуратной военной форме, в гимнастерках, стянутых широким ремнем, с пистолетом и чекистской эмблемой на рукаве. Для меня это был цвет советской молодежи, самые верные, самые смелые, и в душе я завидовал им».

Призыв в неведомое

В конце зимы 39-го года к молодому кандидату партии подошел секретарь фабричного партбюро и сказал, что ЦК партии просил порекомендовать хорошего паренька для специальной работы. И Яцков пришел на Старую площадь.

В большом кабинете за столом сидели несколько человек, из которых Анатолию Антоновичу запомнился Павел Михайлович Фитин. Он в ту пору только что был назначен начальником ИНО – Иностранного отдела НКВД. Как Яцков понял позднее, здесь же сидел и его будущий начальник по спецшколе – Владимир Харитонович Шарманазашвили. Начальники были высокого звания. Анатолий Антонович вспоминал:

«Сейчас это кажется фантастикой, но тогда подбором кадров занимался сам руководитель внешней разведки, по современным меркам – начальник ПГУ. У меня для такой работы, как я считал, были в активе 28 парашютных прыжков. И вот ведь чудеса: в разведке это не понадобилось.

Потребовались совсем другие умения, и в первую очередь знание языка. В средней школе и в институте я учил немецкий. А тут, оказалось, и немецкий не нужен: попал во французское отделение.

Да и что я мог знать о работе разведки? Газеты почему зря клеймили иностранных шпионов и всю шпионскую деятельность. Складывалось впечатление, что они у нас секреты таскают, а мы у них ни-ни, только ловим чужих лазутчиков. И вдруг такой пассаж: надо самому становится охотником за секретами...»

ФИТИН Павел Михайлович (1907–1971). В органах госбезопасности с 1938 года. Возглавлял внешнюю разведку в 1939–1946 годах. В годы Великой Отечественной войны под его руководством действовали резидентуры в 27 странах: была получена 41 000 документальных материалов в интересах военно-политического руководства и вооруженных сил страны.

Разведка проникла в секреты создания американского атомного оружия, лишив в результате США на его монополию. По линии НТР закладывались основы создания передовой техники в области авиаракетостроения, радиоэлектроники, химии, мощных взрывчатых веществ, химбакоружия.

Уволен из органов в 1953 году.

...Дорога в разведшколу у Анатолия Антоновича началась летом того же года от... планетария, который возле зоопарка (никто не мог объяснить, почему место сбора курсантов разведшколы было облюбовано именно здесь; кстати, позднее курсантов стали именовать «слушателями»). Комендант объекта, вспоминал Яцков, усадил пополнение в машину и лихо домчал к расположенному за деревянным забором двухэтажному дому барачного типа. Лесной массив принял курсантов где-то за городом вблизи Горьковского шоссе. И прибыли сюда всего десять человек.

Год верой и правдой осваивал Яцков французский. Но к лету 40-го года фашисты оккупировали Францию, и советское загранучреждение, «под крышей» которого предстояло действовать Яцкову, закрылось.

* * *

Как и один из его соратников Феклисов, друг до последних дней, Анатолий Антонович признавал, и то только со временем, что приход в органы – это будет изменение в его судьбе и оно займет всю его последующую жизнь и ее образ. Он уйдет от прежних друзей и окажется

в сложнейшей и ответственной ситуации. Конечно, в тот начальный момент он не мог даже представить, что новый жизненный путь, причем выбранный не им, но для него, станет трудно предполагаемым испытанием.

...Условия и особенности обучения, как это восприняли и другие будущие разведчики из его когорты, были для Яцкова почти шокирующими. Ибо это не была типовая школа обучения, как это случалось на рабфаке, ФЗУ или в вузе. Краеугольным камнем стало, говоря прямо, практическое натаскивание с большой долей требования творческого подхода. И делали это не «классические преподаватели», а реальные, действующие разведчики, еще только вчера вышедшие из боя.

В чем сказывалась непривычность жизни в спецшколе? Во-первых, обособленность: жили и учились в сосновом лесу в небольшом бревенчатом двухэтажном доме: пять спальных комнат вверху, на двоих каждая, душевая, зал для отдыха, а на нижнем этаже – два учебных класса и столовая. Домашний уют... Две «роскошные кровати с большими теплыми одеялами и коврик перед ними, два шкафа для одежды, два стола и... чистота».

Естественно, дома было все не так. Феклисов вспоминал: «По сравнению с обстановкой, в которой я жил дома (зимой я спал на сундуке за печкой, а летом – в сарае на дровах), новые условия казались райскими». И вот эти десять слушателей, не избалованные вузовским общепитом, естественно, весьма высоко ценили трехразовое питание – вкусное и сытное.

Как и у всей молодежи того времени, в их одежде не было большого разнообразия, тем более стиля. Чаще всего верхняя одежда переходила от старшего к младшему, и следы ее починки никого не смущали. В ШОН слушатели получили новенькое пальто и... шляпу, костюм, ботинки, рубашки... (В конце сороковых годов автор-школьник ходил в перешитом из отцовского пиджака «пальто», а в конце пятидесятых, в годы учебы в «правнучке» ШОН – ВРШ – Высшей разведывательной школе, – слушателям выдавали только ботинки и отрез застарелого материала на костюм.)

...Набор времени Яцкова состоял из однородного социального происхождения: все были детьми рабочих и крестьян, все были призваны в органы после окончания технических вузов. По мнению слушателей того времени, они с позиции практической работы позднее осознали причину появления технарей в рядах разведки:

«Павел Михайлович Фитин набирал кадры главным образом из числа молодых людей, окончивших технические вузы. Он считал их более трудолюбивыми и изобретательными. Выпускников же гуманитарных вузов, по его убеждению, учили лишь “зубрежке и болтовне”».

Годичная программа школы включала в себя изучение иностранных языков, специальных дисциплин (разведывательного толка), страноведения и отдельных вопросов истории ВКП(б). Ежедневно – шесть часов занятий в классе: три часа на иностранный язык, причем пять слушателей изучали английский, трое – французский и двое – немецкий. Естественно, все начинали с азов, ибо в технических вузах иностранные языки преподавались весьма слабо, да и преподаватели языка в школе не любили переучивать.

Необычностью привлекала учеба по спецдисциплинам: все – по теории разведки, но отдельные слушатели занимались по радиоделу и специфике документирования.

С точки зрения «классической учебы» метод обучения по-своему классический – передача знаний напрямую: в виде бесед практиков из разведки и контрразведки. Причем на теорию приходилось пятьдесят часов – в основном по работе со связями, знания по уходу от наружного наблюдения. Главный упор делался на приемы и способы вербовки агентуры и организацию конспиративной связи с ней.

В школе часто бывал ее начальник Владимир Шарманазашвили. О нем отзывались как о «приветливом и добром грузине». (Занимаясь историей спецслужб, и в частности подготов-

кой сборника по истории ШОН-РАШ-ВРШ-КИ-АВР, приходилось встречаться со «странными ошибками»: дело том, что отчество начальника школы бывало в тройном написании – «Христианович», «Христофорович», «Харитонович»; видимо, настоящее отчество было связано в корне с «христианским оттенком», а «Харитонович» устраивало всех в безбожной стране...)

Рабочее место начальника было в здании на Лубянке, но по мере необходимости он выезжал на объекты школы, разбросанные в ближайшем Подмосковье.

В центре и за океаном

Анатолий Яцков пробыл в штаб-квартире НТР всего три месяца. Ему дали именно этот срок на освоение азов английского языка и все это время готовили к работе в Штатах. Должность в советском представительстве – стажер в консульстве, что означало: без дипломатического паспорта и, стало быть, без иммунитета, положенного дипломатическим работникам.

Тем не менее перед выездом в Америку и Яцкова, и Феклисова инструктировали в НКВД на высшем уровне – Вячеслав Молотов и его заместитель Деканозов, вскоре назначенный послом в Германию.

Историческая справка. Деканозов был послом в момент нападения Германии на СССР. 19 июня 1941 года разведчик берлинской резидентуры получил тревожную информацию от ценного агента в гестапо Брайтенбаха о том, что «Гитлер нападет на Россию в 3 часа в ночь на 22 июня».

Резидент Кобулов (и Деканозов, и Кобулов были «людьми Берии») не решился отправить это предупреждение по каналам госбезопасности, ибо знал отрицательную реакцию Кремля на подобную информацию. Он обратился к послу Деканозову с просьбой направить сведения по каналам НКВД, но для НКВД.

К сообщению ценного источника Берия отнесся скептически и доложил Сталину эту информацию среди других вопросов как бы между прочим. Он представил ее как исходящую от подпавшего под панические настроения в Берлине советского посла. И было принято решение: посла отозвать. Не успели – началась война.

Кобулов-резидент был случайным человеком в разведке, но не Деканозов, который одно время ее возглавлял. Он оценил значение сообщения агента и в условиях еще продолжавшихся репрессий в стране решил идти наперекор «мнению Кремля»...

...Анатолий Яцков об этом тревожном периоде в жизни страны вспоминал как о первых днях пребывания в Штатах:

«Когда мы приехали в США, обстановка была гнуснее не придумаешь. Антисоветская пропаганда умело воспользовалась пактом Молотова – Риббентропа. И отношение к советским людям было соответствующее. Оно изменилось лишь после 22 июня 1941 года».

...Как с грустью шутил Анатолий Антонович, в нью-йоркскую «легальную» резидентуру он «попал с корабля на бал». Только что провалился резидент. Многоопытный разведчик Гайк Овакимян попался на подставленном ФБР агенте. И потому в резидентуре свежие силы в лице Яцкова и Феклисова оказались весьма кстати. Ведь к тому времени малочисленная резидентура располагала многочисленной агентурой.

Здесь в тридцатые – начале сороковых годов активно поработали и сам Овакимян, и «ас разведки» Семенов, и Виктор Лягин, будущий Герой Советского Союза, подпольщик в Николаеве. Причем все они отличились и по делам НТР. Правда, тогда еще эта линия не была сформирована в самостоятельную – и создавали ее уже в годы войны Яцков и Феклисов под руководством идеолога и стратега НТР Леонида Квасникова.

Самокритичный в жизни, Анатолий Антонович вспоминал, что, как ни странно, но со своим трехмесячным знанием английского он «не чувствовал себя белой вороной» ни в консульстве, ни в посольстве, ни в делах резидентуры.

КВАСНИКОВ Леонид Романович (1905–1993). В органах госбезопасности с 1938 года. Руководитель НТР в 1939–1963 годах. Выезжал с разведзаданиями в Германию и Польшу (1939–1941). Инициатор и организатор по добыванию сведений об атомных работах в Гер-

мании, Англии, США, руководитель агентурной сети атомной разведки в США (1943–1945). Инициатор сбора сведений по кибернетике (1940–1950-е годы). Идеолог и стратег НТР в послевоенные годы. Присвоено звание Героя России в 1996 году, посмертно.

Еще для Яцкова-Яковлева (он в Штатах выступал под этой фамилией) был удивительным тот факт, что вскоре он вышел на «кадровых специалистов, владевших русским». Как стало ясным, их средой обитания была белая эмиграция, далеко не всегда лояльно настроенная к «людям из Красной России».

Но для оперативной работы Яцкову требовался иной уровень связей, а значит – иной класс профессионализма. А пока в общении с иностранцами, как рассказывал Яцков, он мучился сам и мучил собеседников, ведя прием в консульстве на английском языке... без помощи переводчика. Но день изо дня приходил опыт, настойчиво подкрепляемый практикой.

И вот что характерно для Яцкова-Яковлева: нередко после собеседования он догонял на улице «приглянувшегося» ему посетителя и таким образом заводил знакомства. И прием сработал: его сеть оперативных связей пополнялась и даже в его агентурной сети появились ценные источники информации.

И все же – три месяца изучения английского... Видимо, натерпевшись с проблемой языка, по этому поводу Яцков вспоминал:

«Трех месяцев, которые мне выделили на изучение английского языка, конечно же оказалось недостаточно. Когда я высадился на американскую землю, то трясся от страха. Хорошо еще, что мне вначале поручили принимать посещающих консульство американских граждан. Постоянные контакты и беседы с ними помогли мне быстрее освоить язык. Но, разумеется, не столь быстро, как я этого хотел бы».

И вот – «момент истины» в делах НТР. Дело в том, что идеолог и стратег НТР Леонид Романович Квасников еще в сороковом году интуитивно распознал перспективы атомной тематики в делах разведки и на свой страх и риск ориентировал на нее ряд резидентур. И именно для работы в первую очередь «по атомным делам» его направили в Америку, и в январе 1943 года он прибыл в Нью-Йорк.

А при чем здесь «момент истины», когда речь идет о разведчиках? Едва ли интуитивно, но Квасников забрал в свою команду «толковых молодых людей» – Яцкова и Феклисова. И с их помощью развернул специальную резидентуру – научно-технической разведки («свои» разведчики, «своя» агентура, «своя» связь с Центром).

Вот так Яцков-Яковлев попал под начало разведчика-ученого Леонида Квасникова. Позднее говорили, что, мол, тут и попадать под его начало было нечего – обе резидентуры трудились под одной крышей, тесно взаимодействуя и не проводя между собой «линейных водоразделов». (Но не так было в трагическом 41-м, когда немецкие войска стояли под Москвой, и еще не было ни битвы за нее, ни Сталинграда... Тогда все силы разведчиков и агентов были брошены на добывание разведывательной информации в помощь воюющей Красной Армии – для правительства, военачальников и трудового тыла с его лозунгом «Тыл – фронту».)

Историческая справка. Перед отъездом на должность главы трех резидентур в США талантливого разведчика Василия Михайловича Зарубина вместе с начальником разведки Фитиным принимал И.В. Сталин. По его мнению, главные усилия резидентуры в США должны были направить на то, чтобы помочь выиграть войну. Сталин поставил конкретные задачи:

– следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и вместе не пошли бы против Советского Союза;

- добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагают союзники;
- выяснять секретные цели и планы союзников в этой войне;
- пытаться узнать, когда западные союзники собираются в действительности открыть второй фронт в Европе;
- добывать информацию о новейшей секретной военной технике, создаваемой в США, Англии и Канаде.

И команда Квасникова, ориентированная на последнюю строку вождя в добывании информации, на годы вперед была нацелена на конкретную работу в стране неустойчивого союзника по антигитлеровской коалиции. Ведь наши люди в советской колонии в Америке были свидетелями по сути своей антисоветского призыва, прозвучавшего с Капитолийского холма из уст сенатора Гарри Трумэна:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Это циничное откровение будущего президента США (1945) было сделано не в узком кругу сенаторов, а на всю страну и мир в крупнейшем издании «Нью-Йорк таймс», причем на третий день нападения Германии на СССР – 24 июня 1941 года.

* * *

...Первая встреча со связью... Кто работал в разведке, знает, что это за событие в его оперативных первых шагах! На эту первую встречу Яцков шел не один. Надо было принять агента от уезжающего в Союз разведчика. Скрытно, на автомашине, их вывезли в город и высадили возле станции метро.

Яцков воспользовался этим случаем, чтобы на практике уловить все тонкости «проверки» от слежки и «естественных отрывов», необходимых разведчику при проведении конспиративной встречи. Встреча и знакомство произошли на довольно оживленной улице. И оперативное письмо от своего имени в Центр Яковлев-Яцков уже подписывал своим оперативным псевдонимом – Алексей.

Теперь Яцков-Алексей был занят, казалось бы, рутинной работой на «оперативном поле». А это – выверенные по часам встречи с агентурой. О рутинности Алексей вспоминал: появилось ощущение кажущейся монотонности и притупление чувства опасности, что чуть было не подвело его. Он так уверовал в свои силы и способности, что, как он говорил, «случилось то, что должно было случиться».

Правило графика встреч требует отмечать назначенные встречи, а тут он положился на свою память. И вот оплошность... Позднее, уже преподавая в Краснознаменном институте, Анатолий Антонович приводил пример с этой его «оплошностью».

Дело в том, что это в кино, говорил он, разведчик запоминает с первого взгляда тексты и чертежи. «В жизни подобное суперменство – большая редкость». А тут речь шла об особенностях назначения очередной встречи с агентом. Тогда Алексей твердо назначил день и час, и они перебрали несколько вариантов мест встречи.

Но когда наступил этот день, он не мог вспомнить: на каком варианте они договорились? В конечном счете память и впрямь оказалась профессиональной, но пришлось заново пройти по всей цепочке рассуждений, прежде чем восстановлен был достойный вариант места встречи. Анатолий Антонович сравнивал такое «восстановление» с логикой шахматного игрока (шах-

маты, а он был разрядником, как и стрелком из личного оружия, прошли через всю его жизнь чуть ли не главным увлечением вместе с теннисом).

В том случае все закончилось благополучно, казалось бы, но только сам он, подчеркивал Яцков, на всю жизнь «сохранил чувство вины за допущенную оплошность».

Завтра была война... В работе Яцкова-Яковлева-Алексея рабочий день по времени распределялся на прием посетителей до обеда, а после обеда и вечером – работа в городе и резидентуре. Главное задание: приобретение связей, пока используя официальное прикрытие. Те, с кем общался Яцков – и американцы, и советские люди в Штатах, – все же находились в тревожном ожидании.

В Первую мировую войну американцы отсиделись за океаном, вступив в войну лишь в 1916 году. Главы транснациональных корпораций нажились на поставках в воюющую Европу оружия. И вывезли из разрушенного Нового Света «мозговой капитал» – элитных ученых и специалистов в различных областях науки и техники. Причем сделал это специальный батальон, посланный в ведущие в промышленном отношении европейские страны. Задача его была проста: где уговорами, где обманом, где силой талантливых личностей увозили в Новый Свет.

И если в начале двадцатого века на научные и технические исследования Америка тратила лишь миллионы долларов, то к концу тридцатых годов – уже миллиарды, прочно завоевав первенство в промышленном мире с отличной базой для развития науки и техники. И появление за океаном сотрудников научно-технической разведки полностью соответствовало предвидению вождя о том, что «новейшая секретная военная техника» должна стать предметом разведывательного информационного интереса советской разведки.

Это было время, когда обстановка в Европе изо дня в день накалялась. Как говорил советский посол в США, прекрасный дипломат Константин Александрович Уманский, *«Гитлер готовится к нападению на СССР, и войны с Германией при всем желании, видимо, не избежать»*. Говорил это авторитетно, подтверждая сказанное фактами, хотя и не всегда его высказывания нравились в Кремле.

Сколь компетентным могло быть мнение этого посла, говорит Александр Феклисов в своих воспоминаниях «Признания разведчика», отзываясь о нем как о замечательном дипломате:

«Уманского справедливо считали человеком незаурядным. Он начинал свою профессиональную карьеру журналистом... Перед войной нередко переводил для Сталина.

Умел четко излагать мысли, не пользуясь никакими записками, и был прекрасным оратором. Он сам работал над важными документами и быстро решал все сложные вопросы. Будучи уверенным в неизбежности войны с фашистской Германией, он продолжал встречаться в Вашингтоне с немецким послом и старался выведать у него нужную информацию».

Как уже говорилось, Штаты встретили Анатолия Яцкова откровенно враждебной атмосферой. Отношения наших стран были крайне натянутыми. Появление пакта Молотова – Риббентропа о ненападении между СССР и Германией американская пропаганда восприняла как «вал доказательств» о том, что Советский Союз – друг гитлеровской Германии.

Однако газеты, журналы и радио замалчивали тот факт, что Москва была вынуждена пойти на этот пакт ввиду двуликой политики правительственных кругов Англии и Франции, недвусмысленно подталкивающих Гитлера к походу на Восток против Красной России.

Справка. Но еще в годы войны, в 1944 году, государственный чиновник высокого ранга в американской администрации отдал должное этому шагу советской стороны. Заместитель госсекретаря С. Уэллис так оценил появление пакта за несколько дней до начала Второй мировой войны:

«С практической точки зрения важно отметить, что советско-германское соглашение дало возможность советскому правительству добиться преимуществ, которые два года спустя, когда произошло давно ожидаемое нападение Германии, сыграли для Советского Союза огромную роль».

* * *

В канун агрессии Германии против СССР антисоветская политика Штатов ни на час не прекращала своей активности, начиная с момента появления Страны Советов. Атмосфера вокруг пакта дала новый толчок в противостоянии с СССР.

Конгресс США принял законы с требованием сворачивания торговых отношений между странами и экономических отношений в целом. Часть компаний прекратили поставку ранее заказанного оборудования, потребовали отозвать из Штатов всех приемщиков такого оборудования. Фактически торговля со Штатами прекратилась. Число советских командированных в страну убывало с каждым днем. По отношению ко всем русским велась активная работа ФБР – слежка, прослушивание, провокации...

Дальше – больше, вот что происходило в политике Штатов на глазах разведчика Яцкова. Союзники не выполнили своего обещания. Они высадили войска в Нормандии лишь 6 июня 1944 года – через три года после нападения фашистской Германии на СССР и когда исход войны уже был предрешен. В этом случае неустойчивые союзники руководствовались принятым еще в 43-м году «планом Ренкина» о «недопущении советских войск в Европу» (кстати, содержание этого плана разведка доложила в Кремль чуть ли не на следующий день после его появления).

Политика затягивания открытия Второго фронта стала абсолютно понятной десятилетия спустя, когда этот факт был подтвержден рассекреченными архивными документами американской администрации. И главное в них – это аргументированное обозначение цели: обескровить СССР в его единоборстве с Германией и ее союзниками, а затем навязать свою волю обессиленным участникам войны – как Советскому государству и поверженной Германии, так и всем миру.

Справка. В этом свете зловеще выглядят два признания конгрессмена Гарри Трумэна, будущего первого послевоенного президента США. Одно из них было сделано в первые дни агрессии Германии на СССР с акцентом, кому нужно помогать в случае успехов на советско-германском фронте – Германии или России, но «... пусть они убивают как можно больше».

А уже в дни ожидаемого взрыва первой американской атомной бомбы другое обращение президента Трумэна ко всем ветвям власти звучало недвусмысленно агрессивно: «Если бомба взорвется, а это так и будет, то у меня появится хорошая дубинка для этих русских».

И ничего нет удивительного, что еще в дни войны и после нее в Москву стала поступать информация о появлении в стенах Пентагона все новых планов атомной атаки русских.

Наши разведчики на себе испытывали тяжесть такой атмосферы. И все же надеялись, что война не состоится в скором времени. Именно в этой сложной среде происходило становление разведчика Яцкова-Яковлева-Алексея, а в будущей переписке с Центром по атомным делам – Джонни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.